

ЛЕРМОНТОВ В НАШИ ДНИ

Статья акад. В. Комарова

Трудно назвать другого великого русского писателя, отношение к которому со стороны потомства было бы так неустойчиво и неровно. Речь идет, конечно, не о его даровании самом по себе: гениальность Лермонтова слишком очевидна, чтобы можно было оспаривать ее, но идейно-психологическое содержание его творчества, общая направленность его поэзии,—все это на протяжении почти целого столетия не переставало волновать и смущать представителей разнообразных кругов русской общественной мысли. Злой лермонтовский сарказм, нескрываяемо презрительное отношение поэта ко многим явлениям духовной жизни его эпохи, представлявшимся современникам неоспоримыми и незыблемыми, наводили на сомнение таких, разных по убеждениям людей, как соратник Писарева Варфоломей Зайцев и философ-мистик Владимир Соловьев, как народник Михайловский и историк Ключевский. Лермонтов—писатель, конечно, крупный, обладатель яркого и самобытного таланта, но вместе с тем лишенный ясного и определенного взгляда на жизнь, стоящий на грани философского и морального нигилизма,—вот как коротко можно сформулировать ту характеристику, которая отчетливо проходит через все оценки лермонтовского наследия названными лицами.

В действительности творчество Лермонтова было внутренне богатым, исключительно полнокровным и многообразным, и его нельзя было ограничить рамками той или иной доктрины, развиваемой в русском обществе в прошлом. В разряд «своих» Лермонтов, без больших натяжек, не мог быть зачислен ни одним из указанных ученых и публицистов.

Никак не следует, однако, что Лермонтов не был понят той страной, верным сыном которой был он, что он недооценен ею. В памяти народа его творчество хранится свято и нерушимо. Об этом красноречиво, наглядно свидетельствует хотя бы тот факт, что многие его лирические стихотворения приобрели характер народных песен или являются богатейшим материалом для фольклорных исследований.

Наиболее верную, наиболее глубокую оценку Лермонтов нашел у тех представителей русского общества в прошлом, которые в общественно-политической борьбе своей эпохи выступали в качестве действительных защитников интересов народа; это были революционные демократы. Уже Белинский ясно видел за холодно-саркастическим взглядом Лермонтова на жизнь и людей «семена глубокой веры в достоинство того и другого». Белинский к отрицанию гнусной российской действительности, как он любил говорить, пришел не сразу, а преодолев Гегеля. Лермонтов же сразу бросил ей дерзкий вызов, прорезал мрачную ночь николаевской реакции яркой, разящей молнией своего творчества. Великий критик ценил в великом поэте задушевную, покоряющую лирику, но он был в величайшем восторге и от титанического протеста поэта против самодержавно-крепостнического рабства.

Оценки Лермонтова, вдохновенно, поэтически, от всего великого сердца высказанные Белинским, были подхвачены, развернуты и обоснованы Герценом, Чернышевским, Добролюбовым. Они показали, что поэту был присущ широкий взгляд на жизнь, что он имел твердые, определенные убеждения, был гуманнейшим человеком, у которого отрицание и ненависть к существующей действительности сливались с жертвенной любовью к народу, с призывом к непримиримой борьбе за иную, лучшую жизнь. Чернышевский, определяя общественную направленность русской литературы, писал про Лермонтова, что если бы он был жив, то был бы «с нами», т. е. был бы в кругу революционной демократии, выражавшей в 60-е годы чаяния крестьянской революции, стремления крестьянской революционной демократии. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал: «Лермонтов... самостоятельными симпатиями своими принадлежал новому направлению, и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделить дружеских бесед Белинского и его друзей». Добролюбов, намечая тип истинного поэта, требовал, чтобы поэт, помимо содержания, мастерства, имел еще силу Лермонтова в смысле выражения своего отношения к жизни. Он указал, что слишком ранняя смерть помешала поэту «поражать пороки современного общества с той широтою взгляда, какой до него не обнаружил ни один из русских поэтов».

Эти оценки во многом помогают нам раскрыть значение лермонтовского наследия для нашей эпохи, для той высшей культуры, которую строит победивший в социалистической революции народ. Суждения революционных демократов о поэте прежде всего совершенно разрушают, сводят на-нет легенду об отсутствии у Лермонтова определенного, строго и стройного мировоззрения, а потом и намечают революционную характеристику творчества поэта.

Пессимизм Лермонтова, так часто ставившийся ему в упрек различными истолкователями его творчества, вовсе не был признаком его морально-психологической опустошенности. Он свидетельствовал совсем о другом: о глубоком осознании им основных противоречий современной ему действительности, определяющих всю жизнь, о глубоком постижении ее мучительнейших и постыдных зол и пороков. Говоря о лермонтовском пессимизме, надо всегда помнить, что представляла собой та эпоха, в условиях которой созревала и крепла его творческая личность. Это была одна из наиболее мрачных эпох в истории России, эпоха широчайшего разгула крепостнической реакции, беспощадного подавления всех прогрессивных сил страны. Старые пути борьбы с самодержавием и крепостничеством, которыми шли дворянские революционеры-декабристы, к этому времени были исчерпаны, новые—еще не обозначились. Лучшими умами того времени, естественно, овладевала тяжелая, всепроникающая и в то же время зовущая к разрушению скорбь.

Точно так же разящая острота лермонтовского сарказма никак не вела его во власть тех нигилистических настроений, которые пытались обнаружить у него иные из его истолкователей. Этот сарказм на самом деле был одной из форм протеста, гневного, заражающего, против позорнейшего рабства, всеобщего бесправия и безграничного произвола в современной поэту русской жизни, при этом—формой действенной, эффективной, несшей в себе громадную разрушительную силу.

Социальную природу лермонтовского протеста легче всего раскрыть, исходя из соображений, высказанных В. И. Лениным относительно зна-

менитого письма Белинского к Гоголю. Подвергая беспощадной критике сборник «Вехи», стяжавший себе печальную славу в качестве «энциклопедии либерального ренегатства», великий вождь угнетенного человечества писал: «„Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи“ есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения...“». „История нашей публицистики, начиная после Белинского в смысле жизненного разумения,—сплошной кошмар...“. Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское настроение...“. Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян».

Социальные корни лермонтовского протеста—те же, из которых выросло и письмо Белинского к Гоголю. Страстный, непримиримый протест Лермонтова носит в себе те же черты, которые отражены и в замечательном документе, оставленном критиком: отрицание русской действительности—стихийное возмущение народных масс против векового крепостнического гнета—неугасимая, самозабвенная, жертвенная любовь к народу.

Недаром тема народного восстания так рано начала тревожить творческое воображение Лермонтова: над своим «Вадимом» он работал в те же примерно годы, когда Пушкин создавал «Капитанскую дочку». К тому же периоду его творческого пути относится и его «Предсказание», не оставляющее места сомнениям по своему общему смыслу, общей тенденции:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь...

Нашей бурной, революционной эпохе эти бунтарские, мятежнические мотивы лермонтовской поэзии, составляющие ее сердцевину, особенно созвучны. Каждой стороной своих произведений поэт укрепляет нашу волю к жизни, призывает нас к действию, к борьбе.

Классическим по своей отточенности выражением исполненных подлинного социального оптимизма настроений являются известные строки «Мцыри», содержащие признания героя поэмы:

Я мало жил, и жил в плену:
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть—
Одну—но пламенную страсть:
Она—как червь во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы...

Искусство, в представлении Лермонтова, лишь тогда достойно осуществляет свою социальную миссию, свое назначение, когда оно прямо и непосредственно отвечает задачам жизненной практики, когда оно является общественным служением в самом прямом и точном значении этого слова. В стихотворении «Поэт» Лермонтов, обращаясь к своему воображаемому адресату, говорит:

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
 Воспламенял бойца для битвы,
 Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
 Как фимиам в часы молитвы.
 Твой стих, как божий дух, носился над толпой
 И, отзвук мыслей благородных,
 Звучал, как колокол на башне вечною
 Во дни торжеств и бед народных.

Это—поэтически выраженная декларация именно того, полного не-сокрушимой, неиссякаемой воли к борьбе искусства, которое создаем мы сегодня, которое является орудием той грандиозной перестройки действительности, которая осуществляется в нашей стране. Мы слышим здесь голос нашего современника.

Сотую годовщину со дня смерти Лермонтова мы встречаем в исключительно грозной обстановке. Коварный и подлый враг вероломно вторгся в пределы нашей любимой родины. Он хочет поработить многомиллионный советский народ, предать огню и мечу наши города и села, растоптать нашу прекрасную, многовековую культуру; но полчищам современных варваров, насильников и грабителей уже пришлось испытать на себе мощь лвиных ударов нашей героической Красной Армии, бесстрашных соколов и мужественных моряков. В будущем фашистов ждут удары еще более страшные, смертоносные. Победа будет за нами.

В свете тех грозных событий, современниками и непосредственными участниками которых мы являемся, Лермонтов приобретает для нас особенно важное значение как величайший поэт-патриот, со сверкающей силой показавший в своих произведениях то чувство собственного достоинства, которое всегда, на всем протяжении исторического существования, было присуще русскому народу, показавший его суровую непоколебимость в годы исторических испытаний.

О памятном всем стихотворении Лермонтова «Родина» революционный демократ Добролюбов писал, что более возвышенного, более чистого, более полного выражения любви к своей отчизне и к своему народу, более «гуманнейшего взгляда на жизнь» нельзя и требовать от русского поэта. В этом стихотворении, как в фокусе, перекрещиваются многочисленные и многообразные темы, отражавшие лермонтовский патриотизм.

Вот «Песня про купца Калашникова». По первому впечатлению,—это, как будто бы, своеобразная историческая стилизация, попытка художественно имитировать выразительные средства былинной эпикн. Но стоит только глубже вникнуть в содержание бессмертной поэмы, чтобы ясен стал ее немеркнувший смысл, ее подлинное значение, далеко выходящее за рамки простой картины быта и нравов минувших времен, хотя бы и написанной искусной рукой. «Песня про купца Калашникова»—это произведение, повествующее о той спокойной и горделивой решимости, которую проявляет простой русский человек, когда оказывается затронутой его честь. Какой твердостью, каким высоким, благородным мужеством дышат слова героя, обращаемые им после того, как нанесенная ему обида отмщена, к разгневанному, грозному властелину:

— Я скажу тебе, православный царь:
 Я убил его вольной волею,
 А за что про что—не скажу тебе,
 Скажу только богу единому.

Прикажи меня казнить—и на плаху несть
 Мне головушку повинную;
 Не оставь лишь малых детушек,
 Не оставь молоду вдову,
 Да двух братьев своей милостью...

Невольно думаешь: нет, народ, сыны которого так дорожат своей честью, так спокойно и величаво умеют смотреть в глаза смерти,—такой народ не поработить никакому завоевателю, как бы силен и коварен он ни был.

Но высшей страстности достигает голос Лермонтова, когда его творческое внимание обращается к тем эпизодам отечественной истории, в которых все высокие качества творящего ее народа проявились особенно полно.

Лермонтовское «Бородино»—это одно из самых совершенных во всей русской литературе художественных отражений священной години отечественной войны с наполеоновскими полчищами. Патриотическим пафосом, из глубины души поднятым вдохновением, сохраняющим всю свою впечатляющую силу и по сей день, пронизаны слова старого солдата, от имени которого ведется рассказ:

И молвил он, сверкнув очами:
 «Ребята! не Москва ль за нами?
 Умремте ж под Москвой
 Как наши братья умирали!»
 —И умереть мы обещали,
 И клятву верности сдержали
 Мы в бородинский бой...
 .....
 Изведал враг в тот день немало,
 Что значит русский бой удалый,
 Наш рукопашный бой!..
 Земля тряслась—как наши груди,
 Смешались в кучу кони, люди,
 И залпы тысячи орудий
 Слились в протяжный вой...

Лермонтов мечтал о поэзии, которая «воспламеняла бы бойца для битвы». Образцом такой поэзии и является стихотворение о Бородинском сражении, которое и сейчас, несмотря на более чем столетнюю давность, звучит как боевой призыв не щадить себя и своей жизни, защищая от врага родину-мать.

В своем историческом выступлении 22 июня 1941 г. В. М. Молотов говорил: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона на Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение и пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу».

Эти слова воскрешают в памяти лермонтовские строки из поэмы «Сашка», обретающие сейчас особую значительность:

Москва! Москва!.. Люблю тебя, как сын,
 Как русский, сильно, пламенно и нежно!
 Люблю священный блеск твоих сечин
 И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
 Напрасно думал чуждый властелин
 С тобой столетним русским великаном
 Померяться главою и обманом
 Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
 Тебя пришлец: ты вздрогнул—он упал!

Большая угроза нависла над нашей страной, над всей нашей культурой. Залогом того, что эта угроза будет рассеяна, являются не только героизм и доблесть всего нашего народа, его готовность разить противника, не жалея своей жизни. В том, что гитлеровские полчища найдут себе могилу на необъятных полях нашей отчизны, что враг не выйдет живым из пределов Советского Союза, наглядно убеждают и поучительные примеры из прошлого.

Прошлое для нас—не только история: его славные традиции живут в настоящем. Чем тревожнее наш сегодняшний день, тем дороже нам нетленные ценности, созданные нашим народом в веках минувших, тем ярче сияют живые светочи нашей культуры прошлого, среди которых почетнейшее место принадлежит великому поэту-патриоту Лермонтову.